

Между тем заместитель посланника Линь Цзин, который беспокоился всё это время, и сотрудник столичного посольства Линь Вэнь, увидев, что главный посланник Фань Сянь вернулся, с облегчением вздохнули и проскользнули вдоль стены поместья перед толпой к воротам. Они объяснили:

— Неизвестно, кто раскрыл часть нынешнего соглашения между двумя странами, но жители столицы узнали, что Северная Ци на этот раз уступает территорию, и возмутились. Хотя простые люди ничего не посмели сделать, но молодые дворяне пришли к нашим воротам, говоря, что хотят состязаться с нами, южанами, в боевых искусствах, и свести счёты за унижение на поле боя.

Фань Сянь опешил, подумав, что двор Северной Ци точно не объявил бы во всеуслышание о соглашении об обмене пленными и разделе земли. А кто ещё мог бы раскрыть это дело? Кажется, жизнь молодого императора во дворце не очень-то легка. Но сейчас у Фань Сяня не было времени беспокоиться о своём «фанате номер один»; он страдальчески посмотрел на валявшиеся на земле кинжалы и сказал:

— Сами справляйтесь с этим. Мне сейчас нужно срочно посетить Министерство церемоний.

Хотя соответствующие подчинённые работали над передачей пленных, проведением границ и обменом верительными грамотами, Фань Сянь настоял на том, чтобы заняться делом Янь Бинъюня самостоятельно.

— Господин, вы не можете идти.

Братья Линь Вэнь и Линь Цзин были образцовыми подданными. Конечно, Тигровая стража, самая крупная военная сила в дипломатической миссии, следовала за Фань Сянем: мастера самого разного статуса из Контрольной палаты слушались только приказов господина Фаня, так что эти двое, оказавшись в самом сердце вражеской страны и видя летящие во двор кинжалы, пришли в ужас. А услышав, что Фань Сянь собирается уйти, они испугались, что знатная молодёжь Северной Ци снова придёт и поднимет шум.

Фань Сянь нахмурился, посмотрел на них с некоторой неприязнью и сказал:

— Как чиновники государства Цин, вы должны сохранять спокойствие и не позорить наше правительство. Что касается этих скандалистов, то двором Северной Ци назначена охрана, чтобы оградить нас от них — неужто она отважится допустить всех этих людей в поместье?

— Главное, что... — Из братьев Линь больше знаком с Фань Сянем был Линь Цзин, но он не обратил внимания на какое-то не такое выражение лица Фань Сяня и промямлил: — Все эти люди пришли встретиться с вами, господин Фань. Если вы будете избегать их, боюсь, северяне могут решить, что наша Цин слаба и труслива.

Эти слова были жестковаты, и Фань Сянь с улыбкой выругал его, а затем добавил:

— Пусть даже они пришли доставлять мне проблемы, они, вероятно, какие-то книжники. Господин Линь, вы же были на третьем месте на императорском экзамене, что вам стоит отвадить их метким словцом?

Внезапно он заметил странное выражение лиц стоящих поблизости императорских гвардейцев, которые отвечали за охрану посольства, а позади него Гао Да из Тигровой стражи уже спокойно взялся за рукоять длинного меча за спиной.

Фань Сянь обернулся и обнаружил, что у ворот миссии стоит ещё одна компания. Впереди, глядя в небо, шёл знатный подросток. Поскольку Фань Сянь дал знак, никто не попытался остановить их, поэтому молодой человек подошёл прямо к Фань Сяню и ударил его.

Кулак был пухлый и слабый — отвратительно.

Фань Сянь без малейшей учтивости отбил его кулак. Жёсткая истинная ци в его теле была уникальной в этом мире, а благодаря воспитанию У Чжу он получил превосходное умение вовремя принимать решение. Его вытянутая ладонь, как нож, пронзила воздух и ударила в кулак жёстко и идеально точно.

Пускай Фань Сянь поддакивал барышне Хайтан, а когда дело доходило до драки, даже вякнуть не смел: это потому, что Хайтан была слишком сильна. Что же касается практики боевых искусств, Фань Сяня с его уровнем можно было считать выдающимся среди молодого поколения. Просто из-за юного возраста соперника он не собирался сразу ранить его.

Мальчику было, наверное, лет десять, и он сел на землю, застонав от боли. Вероятно, он не ожидал, что этот, казалось бы, хилый учёный сможет тут же отбросить его. Глядя на Фань Сяня, он начал ругаться:

— Бешеный южный варвар, мать твою!

Фань Сянь, который собирался войти во двор, остановился как вкопанный.

Он улыбнулся, вернулся к молодому человеку и дружески взял его за запястье. Хотя слуги, приставленные к нему, немного занервничали из-за действий Фань Сяня, но, увидев, что тот просто поддерживает их молодого хозяина, они подумали, что этот человек, наверное, состоит при посольстве Южной Ци, поэтому не восприняли его всерьёз, а вместо этого сказали что-то ругательное.

Раздался звук разрывающегося сустава, крик боли — и поднялись бесчисленные гневные вопли!

«Если бы моя мать услышала твои слова, боюсь, порвала бы тебя живьём», — подумал про себя Фань Сянь, отпустил руку и посмотрел сидящего на земле мальчика, мысленно оценивая его

статус. Поскольку императорская гвардия Северной Ци не осмелилась вмешаться, значит, он происходил из семьи какой-то важной персоны.

Их окружила большая толпа людей: по-видимому, слуги и друзья мальчика. Лишь увидав, что их молодой хозяин поддерживает свою обмякшую руку и громко плачет, они поняли, что Фань Сянь навредил ему — сломал ему запястье! Они не могли не возмутиться и один за одним стали выходить вперёд, готовясь проучить Фань Сяня.

Видя, что дело принимает серьёзный оборот, императорская гвардия поспешно подошла и разделила противников, одновременно что-то сказав пришедшим. Они безостановочно ругались, выплёвывая нецензурную брань типа «южные варвары», и никак не останавливались.

Фань Сянь дёрнул Линь Цзина с вопросом:

— Из какой семьи эта мелюзга?

— Это молодой господин из семьи хоу Чанъаня. — Линь Вэнь, естественно, очень хорошо знал столичных придворных Северной Ци, поэтому ответил раньше.

Фань Сянь был слегка озадачен. Услышав о хоу Чанъане, он вспомнил хоу Чаннина, с которым когда-то соревновался в выпивке, и спросил с подозрением:

— Неужели он тоже брат вдовствующей императрицы? Тот, который ушёл на покой после прошлогоднего поражения в войне? Младший брат хоу Чаннина?

Линь Вэнь кивнул и сказал:

— Хоу Чанъань действительно лишился власти из-за прошлогоднего поражения, но в этом году вдовствующая императрица приказала ему вернуться, так что к нему постепенно возвратилось его бывшее высокомерие. Похоже, этот молодой человек, видя, что все в столице пришли устроить скандал с дипломатической миссией, решил воспользоваться возможностью, чтобы отомстить за отца.

— Глупый сопляк, — покачал головой Фань Сянь, даже не глядя на него. Он приготовился войти во двор поместья, где располагалась миссия.

— Ударил человека — и уходишь? — раздался крик сзади. — Ты посмел избить молодого господин из семьи хоу, вот уж действительно наглость.

Командующий императорской гвардией только-только овладел ситуацией, но неожиданно Фань Сянь, не сказав даже банальной любезности, захотел уйти в дом, что казалось крайне нелогичным. Командир невольно рассердился, подумав, не слишком ли эти южные варвары дерзкие?

Фань Сянь медленно обернулся, посмотрел на стоящих на площади жителей Северной Ци и сказал:

— Господа, столько глаз видели, что молодой господин неожиданно напал на меня. Я не знал, что это ребёнок, так что был с ним слишком крут. Естественно, потом кто-то отправится к нему и возместит расходы на лекарства, так зачем вы шумите?

Побив кого-то, заплатить за лекарство — это типичный образ действий богатой молодёжи. Проблема была в том, что Фань Сянь — важный посланник государства Цин, а мальчик, которого он ранил, происходил из настоящей богатой молодёжи Северной Ци. Как на такое согласится толпа?

Фань Сянь нахмурился и тихим голосом сказал командиру императорской гвардии, стоявшему у подножия каменных ступеней:

— Командующий Вэй, неужели вы хотите видеть, как дипломатическая миссия сражается с людьми Северной Ци и в итоге между странами начнётся ещё одна междоусобица?

Командир по фамилии Вэй был очень спокоен: он знал, что дело не выйдет за всякие рамки, но, если Фань Сяня действительно окружают и избьют, это приведёт к дипломатическому инциденту, и сам он не избежит ответственности, поэтому он поторопился преградить домашней охране хоу Чаньяня путь внутрь. Фань Сянь отскочил в сторону, вошёл в поместье и плотно закрыл ворота.

В это время толпа наконец поняла, что молодой человек, совершивший эту жестокость, был официальным посланником южных варваров. После того как Фань Сянь спрятался, какое-то время со всех сторон поместья доносилась лишь ругань, а бранные слова летели, словно стрелы, для которых несчастные предки Фань Сяня служили мишенями.

Спустя недолгое время ворота поместья неожиданно зашумели, и кто-то распахнул их. Возмутители спокойствия снаружи внезапно смолкли, увидев, что вышел не тот красивый молодой человек, что был прежде, и с криком ринулись вперёд, требуя от миссии Южной Ци выдать Фань Сяня.

Вышедшим чиновником оказался Ван Цинянь: он чуть улыбнулся и, сложив руки, поклонился во все стороны. В ошеломлении все опустили руки с кирпичами и прочим и приготовились слушать, что скажет южанин. Через мгновение Ван Цинянь махнул рукой и тихо сказал:

— Бейте.

Из-за его спины, словно тигры, выскочили с десятков человек, держа грабли, палки и тому

подобное, и бросились в стоящую на площади толпу. Как только слово было произнесено, командующий императорской гвардией Вэй понял, что дела плохи, и собирался подойти и вмешаться, но вдруг Ван Цинянь очень по-приятельски удержал его за руку, сказав, что, когда попозже будет свободен, он попросит командира Вэя взять его с собой поразвлечься с барышнями.

В его хватке командующий Вэй не мог отдавать приказы; императорские гвардейцы тоже остолбенели: их служебные обязанности заключались в обеспечении безопасности посольства Южной Цин, но кто мог подумать, что посланники поведут себя так странно, напав с палками в руках? Какую сторону им следует защищать?

Благодаря случившейся задержке на открытом пространстве перед помещьем посольства раздались дикие крики, будто резали свиней, палки заплясали в воздухе, злобные слуги плакали на земле: было очень шумно.

Командующий Вэй сердито сказал:

— Господин Ван, неужели вы хотите ещё раздуть это дело?

— Чушь. Разве это я раздуваю дело? — в гневе ответил Ван Цинянь. — Они тут собираются завести близкие отношения с матерью господина Фаня, даже этот сопляк, у которого молоко на губах не обсохло. Я должен поинтересоваться: посольство первый день в столице, и уже столько людей пришло скандалить — что же затевает ваше правительство Северной Ци?

Одностороннее избиение на площади продолжалось. Хотя десяток выбежавших людей не имели в руках мечей, но, за исключением четырёх Тигровых стражей, остальные были мастерами из Контрольной палаты, и избить домашних слуг из богатого дома для них не представляло сложности.

«Ругать предков семьи Фань — это не страшно. — Фань Сянь в сопровождении Гао Да вышел из двора, посмотрел на происходящее и подумал про себя: — А вот ругать мою бабушку в Даньчжоу и мою мать — абсолютно недопустимо».

<http://tl.rulate.ru/book/96718/3295647>